

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Михаил Сухачев
**ТАМ,
ЗА ЧЕРТОЙ
БЛОКАДЫ**

Михаил Сухачев
Там, за чертой блокады

Издательство «Детская литература»

2015

УДК 21.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухачев М. П.

Там, за чертой блокады / М. П. Сухачев — Издательство
«Детская литература», 2015

ISBN 978-5-08-005245-3

Герои повести, ленинградские подростки Виктор Стогов, Валерка Спичкин, Эльза Пожарова, знакомы читателю по ранее изданной книге «Дети блокады». В новой повести, которая читается как самостоятельное произведение, рассказывается об их дальнейшей судьбе. Оставшись в блокаду без родителей, они обрели вторую семью в дошкольном детдоме, устроенном в их бывшей школе, и вместе с ним были эвакуированы под Томск, в сибирскую деревню. Эта книга также и о тех, кто приютил «детей блокады», помог им обжиться на новом месте, – о колхозниках-сибиряках, людях широкой души и щедрого сердца. Автор повести, бывший блокадник, будучи сам очевидцем и участником описываемых событий, рассказывает в ней о своем поколении, о том, как рано выросли ребята военных лет, как серьезно и ответственно они относились к жизни, как мужественно и стойко переносили выпавшие на их долю тяжелые испытания. Для среднего школьного возраста.

УДК 21.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005245-3

© Сухачев М. П., 2015
© Издательство «Детская
литература», 2015

Содержание

Об авторе	7
Там, за чертой блокады	9
Пролог	9
Глава 1	14
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Павлович Сухачев

Там, за чертой блокады

© Сухачев М. П., 2015

© Мазурин Г. А., иллюстрации, 2015

© Оформление серии, предисловие. ОАО «Издательство «Детская литература», 2015

* * *

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, cursive letters.

Об авторе

Михаил Павлович Сухачев родился в 1929 году в Орловской области, но затем его мать, трое братьев и четыре сестры переехали жить в Ленинград. Там он поступил в школу, начал заниматься в школьном авиамodelьном кружке и построил модель самолета, пролетевшего на соревнованиях ленинградских школьников самое большое расстояние. Все Сухачевы играли в струнном оркестре Ленинградского клуба железнодорожников.

Война круто изменила мирную жизнь семьи. Трое старших братьев и сестра ушли на фронт. А двенадцатилетний Миша остался с матерью и тремя сестрами в Ленинграде, который уже в сентябре 1941 года оказался в блокаде. Об этом страшном и героическом времени рассказывается в повести «Дети блокады» (первое издание книги – 1989 г.).

Вместе с дошкольным детдомом, устроенным в его бывшей школе, мальчик в 1943 году был эвакуирован в сибирскую деревню, под Томск, где он со своими друзьями стал незаменимым помощником детдомовских воспитательниц в освоении нелегкого деревенского быта. Тринадцати-четырнадцатилетним городским мальчишкам пришлось научиться пасти скот, косить траву, копать картошку, заготавливать дрова и даже самим строить баню. О времени, проведенном в эвакуации, рассказывает книга «Там, за чертой блокады».

Окончание войны совпало с завершением учебы Михаила в восьмом классе. Он поступил во Вторую ленинградскую спецшколу Военно-воздушных сил. После ее окончания Михаил Сухачев стал курсантом Борисоглебского авиационного училища имени Валерия Павловича Чкалова. О тяготах учебы в авиационном училище в трудные послевоенные годы, о поколении летчиков, завершивших эпоху поршневого авиации и открывших страницу истории реактивной авиации, Михаил Павлович правдиво и очень интересно рассказал в своей книге «Исповедь летчика-истребителя» (2011).

Закончив училище в 1951 году, молодой лейтенант Сухачев был направлен в город Винницу, где служил в 43-й воздушной армии дальней авиации. Он осваивал новую авиационную технику и летал на сверхзвуковых истребителях. В 1957 году командование армии послало капитана Сухачева в Москву, в Военно-воздушную академию имени Ю. А. Гагарина.

После завершения в 1961 году учебы в академии Михаил Павлович был оставлен там преподавателем и готовил кадры высшего командного состава авиации нашей страны. Вскоре он защитил кандидатскую диссертацию. Потом работал в Генеральном штабе Вооруженных сил СССР.

Но, будучи военным человеком, М. П. Сухачев всегда испытывал тягу к литературному творчеству. Еще в 1974 году он написал рассказ «Мохаммад». Тема была навеяна двухгодичной служебной командировкой в Египет. Рассказ вышел в издательстве «Молодая гвардия». Затем Михаил Павлович занялся изучением личного архива советника командующего авиацией во время Гражданской войны в Испании (1936–1939) Е. С. Птухина и на основе архива написал интереснейшую повесть «Небо для смелых» (1979). В ней рассказывается о событиях войны и участии в ней советских летчиков. А вскоре появилась повесть Сухачева о Герое Советского Союза генерале Г. М. Прокофьеве – «Штурман воздушных трасс» (1981). Эту книгу автор посвятил летчикам Великой Отечественной войны.

В 2008 году М. П. Сухачев издал документально-художественную повесть «Или Цезарь, или ничто» – о разработке ракетного оружия в фашистской Германии в 1933–1945 годах, основанную на исторических фактах. В ней действуют реальные участники событий. Автор 20 лет собирал материалы для написания этой повести.

Жизнь Михаила Павловича в настоящее время представляет собой образец потрясающего трудолюбия и интереса буквально ко всему на свете: он преподает в двух институтах, пишет книги, занимается экстремальными видами спорта. Встав на горные лыжи более 40 лет

назад, он и его жена до сих пор, несмотря на возраст, катаются в Альпах. Ранее они исходили горными тропами Кавказ и Тянь-Шань.

В 2009 году, в день своего 80-летия, Михаил Павлович поднялся в небо на одном из подмосковных аэродромов, управляя самолетом Як-52. Полет прошел успешно, был выполнен весь пилотаж: виражи, «петли», «бочки» и боевые развороты.

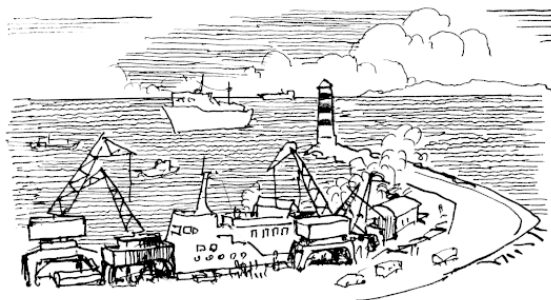
Известно выражение: «бывших летчиков не бывает». Михаил Павлович замечательно подтверждает это на своем примере.

От редакции

Там, за чертой блокады

Пролог

В одесский порт Валерий Сергеевич приехал заранее. С высоты Потемкинской лестницы он увидел большой красивый теплоход, медленно приближающийся к пассажирской пристани. Прослужив не один десяток лет в военном флоте, Валерий Сергеевич чаще всего видел боевые корабли, раскрашенные в унылый серо-синий цвет, нагонявший тоску. А сейчас взору представился белый, нарядный, как подвенечное платье, теплоход «Адмирал Нахимов».

Ожидая причальные буксиры, на теплоходе дали два коротких мягко-басовитых гудка. Валерий Сергеевич вспомнил, что этот лайнер достался нам в счет репарации¹ от разгромленной фашистской Германии, где под названием «Берлин» он, привлекая своим комфортом, катал respectable публику по северным морям. «Наверное, и гудок у него был тогда соответствующий: резкий, крикливый, угрожающий. Впрочем, за десятки лет и гудок мог постареть», – подумал он.

От этих мыслей он отвлекся, когда подошел к причаленному теплоходу, с которого начали опускать трап. Среди толпы кричащих, свистящих, машущих цветами, платками, шляпами и панамы встречающих, а также пассажиров, свесившихся по левому борту на трех палубах, было почти невозможно отыскать дочь. Поэтому Валерий Сергеевич стал рассматривать людей, спускающихся по трапу. Дочь он увидел, когда она прошла почти половину лестницы.

¹ Репарация – возмещение убытков от войны страной, по вине которой началась война.

– Марина! – крикнул Валерий Сергеевич, подняв букет над головой, и стал пробираться через толпу к трапу.

Скорее повинувшись родственному притяжению, чем голосу отца, девушка быстро отыскала глазами Валерия Сергеевича и с возгласом «Папа!» со второй ступеньки трапа бросилась ему на шею, заслонив его лицо копной пышных волос.

– Ну, как впечатления от круиза? Когда вы отплыли из Стамбула? – спросил отец, опустив дочь на землю.

– Папа, впечатлений – во-о! – Марина провела ладонью выше головы. – И все-таки: «Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна...» Там хорошо, а дома лучше.

– Нам, собственно, ждать нечего. Багажа, помнится, у тебя не было. – Валерий Сергеевич оглянулся. – А где твои вещички?

– Вещички? – перепросила она и оглянулась. – А вон мои вещички.

Марина указала в сторону высокого молодого человека с двумя небольшими чемоданчиками, один из которых принадлежал ей. – Пойдем, я тебя познакомлю.

Марина твердо взяла отца за рукав и потащила к парню.

– Мой папа! – с гордостью произнесла она. – Лучший в мире человек и моряк-подводник, капитан первого ранга Спичкин Валерий Сергеевич. А это, – она повернулась к отцу, – спутник по круизу, свободно говорящий по-английски. Благодаря ему не только наша группа узнала много интересного, но и прикрепленный к нам гид, который знает английский не намного лучше выпускника средней школы.

Молодой человек смущенно протянул руку и представился:

– Арни!

– Англичанин или американец? – удивленно спросил Валерий Сергеевич.

– Нет, – улыбаясь, возразил он, – сокращенное от Арнольда. Арнольд Стогов.

Валерий Сергеевич вздрогнул, услышав фамилию старого друга детства. Взгляд невольно заскользил по внешности юноши, ища сходства. «Нет, не похож: светлые волосы, большой рост, косая сажень в плечах... Однако что за глупые сравнения – прошло больше сорока лет». Словно очнувшись ото сна, он поспешил с ответом:

– Очень приятно!
– А кто он по профессии, угадай, папа? – с хитринкой в глазах спросила дочь.
– Как – кто? Ты же сама только что подсказала – переводчик.
– Не угадал! Не угадал!
– Сдаюсь! Помоги мне!
– Арни – врач. И не просто врач, а хирург. Жаль, что отпуск у него заканчивается завтра.
– Да, я сейчас еду на вокзал и первым поездом домой, в Москву. А вы, я знаю, остаетесь здесь еще на три-четыре дня.

– Так точно. Мой бывший замполит на подводной лодке живет здесь, просил остаться погостить, посмотреть, как он говорит, «самый красивый на земле город», насладиться жизнью на «территории анекдотов». Будете в Ленинграде – милости просим!

Он крепко пожал руку юноше и отошел в сторону, давая возможность попрощаться молодым людям.

– Арни, ну останься еще хоть на день! Ты же врач, смастери себе бюллетень, – донеслись до него слова дочери.

Толпа рассосалась, поэтому ребята достаточно быстро нашли такси. И пока они подъезжали к Валерию Сергеевичу, ожидавшему их с чемоданчиками, ему пришло в голову: может, этот Стогов как-то связан с его другом детства? А что, чем черт не шутит?

Из машины Марина вылезла расстроенная.

– Ты знаешь его отчество? – спросил отец.

– Нет, а что?

– Быстрее спроси, пока он не отъехал.

Валерий Сергеевич ринулся вслед за ней.

– Викторovich! – крикнула Марина, стоя возле открытой двери такси.

– Стойте! Стойте! – задыхаясь, закричал Валерий Сергеевич.

Напуганный криком и вопросами, из кабины вылез Арни.

– Арни, твой отец, видимо, блокадник...

– Да! Я знаю, что вы тоже блокадник, мне Марина рассказывала. А что, вы знали моего отца?

– «Знали» – это мягко сказано. Мы были больше чем братья. Неужели он не рассказывал о своих друзьях: Валерке Спичкине, Борьке Уголькове?..

– Да-да, – перебил Арни, – еще говорил о какой-то девочке с «огнеопасной» фамилией. Папа редко рассказывает о блокаде: у него от этих воспоминаний давление подскакивает.

– Девочку с «огнеопасной» фамилией звали Эльза Пожарова – это моя жена и ее мама. – Валерий Сергеевич кивнул в сторону Марины. – Вот что, Арни, нам с твоим отцом друг друга больше терять нельзя. Виктору, то есть папе своему, о нас ни слова! Мы с Мариной сейчас собираемся в Москву. Завтра-послезавтра встретимся у вас. Давайте адрес.

Проводив Арни, Валерий Сергеевич с сияющей от радости Мариной тут же в порту отыскал кассу Аэрофлота.

Заполучив билеты на самолет Ту-104 рейсом Одесса – Москва, они вместе составили телеграмму домой: «Четверг выезжай Москву Красной стрелой сообщу вагон будем встречать целуем Марина Валера».

Наспех поцеловав удивленную жену, отец и дочь потащили ее с вокзала на стоянку такси, не дав вымолвить ни слова.

– Эльза, я, кажется, нашел важного для нас человека. Только ты не волнуйся, не спрашивай. Это сюрприз.

Через двадцать минут они вышли из машины у дома на Фрунзенской набережной и поднялись на второй этаж.

– Еще раз прошу тебя: не волнуйся, – сказал Валерий Сергеевич и нажал кнопку звонка. Минуту спустя им открыл дверь седой генерал авиации, видно собравшийся уходить. Он опирался на палку. Взаимное удивление длилось недолго.

– Боже мой!.. – простонала женщина, и Валерий Сергеевич почувствовал, как ослабла рука жены, оседавшей в обмороке.

Генерал тотчас вспомнил, что такой особенностью терять сознание от сильного волнения обладал единственный человек на свете, друг далекого блокадного детства – Эльза Пожарова.

– Нина! – громко крикнул он в глубь квартиры. – Эльзе плохо! – и поспешил на помощь гостям.

– Ничего, Виктор, ты же знаешь, это быстро пройдет, – ответил Валерий Сергеевич.

– Валерка?! – Генерал пристально взглянул на говорившего. – Теперь бы мне не грохнуться в обморок!..

Эльза пришла в себя, и, пока она отдыхала, общаясь с женой генерала, знавшей по рассказам мужа о его детской влюбленности в Эльзу Пожарову, мужчины засыпали друг друга вопросами.

– Где же вы пропадали, черти? Я после войны несколько раз о вас наводил справки в Ленинграде. О Пожаровых Горсправка однозначно отвечала: «Адресат выбыл 15.08.1944 г.». Всё! Куда? Почему? Никаких добавлений! О тебе, Валера, вообще полный мрак: «По указанному Вами адресу – Воронежская, дом 55 – Спичкин Валерий не проживает с 15 мая 1942 г.».

– Виктор, только сейчас можно понять, в каких условиях тогда работала справочная служба. Полный хаос не только в Ленинграде, но и во всей стране. Вместе с домами от бомбежек и обстрелов горели и домовые книги. Что касается меня, прости, я долго ни с кем не хотел встречаться. Рад был, что и меня никто не ищет. На то были причины. Ты помнишь, отец еще зимой сорок первого ушел добровольцем на фронт. Мама умерла в январе сорок второго.

От отца письма с фронта перестали приходиться с весны сорок второго. А он, как оказалось, был в плену до самого окончания войны. Домой приехал за неделю до нашего возвращения из Сибири. Соседи говорили, что сутками сидел на Варшавском вокзале, ожидая прибытия нашего эшелона. За три дня до моего приезда его арестовали. Прямо днем, на глазах у соседей. Пытались выяснить, кто еще есть из его родных. А он со слезами на глазах упрашивал оставить его до возвращения сына.

Когда я приехал, соседи посоветовали скрыться подальше от дома. Я подался в Рыбацкое, к тете Дарье. Ты помнишь, мы ездили туда смотреть на воздушные бои наших летчиков с немецкими, а потом собирали пулеметные гильзы. Барака тети Дарьи не было: сгорел. Познакомился с местными ребятами-беспризорниками. Остался у них жить в большой землянке, видимо штабной, потому что стены и потолок были обшиты толстыми досками, с большой железной печью, от которой было тепло даже в сильные морозы. Остался полевой телефон, по которому мы в шутку заказывали в самых дорогих ресторанах что-нибудь поесть, и лампа-коптилка, сделанная из артиллерийского патрона.

Слушая Валерия Сергеевича, Виктор Павлович внимательно рассматривал друга детства, до неузнаваемости изменившегося за десятки лет. Возможно, это была его первая подробная исповедь. Видно было, что тот никак не мог успокоиться и от волнения крутил в дрожащих руках портсигар.

– В школу пойти не мог, – продолжал Валерий Сергеевич, – детдомовская одежда и ботинки порвались вдрызг. Попросился в ремесленное училище, где дали форму, постель в общежитии, хоть и скудно, но кормили. Чтобы подзаработать, вечером, а иногда и ночью работал грузчиком в магазинах, порту, даже санитаром в морге. На постоянную работу не брали: лет мало. Словом, хлебнул шилом патаки. После ремеслухи² с трудом удалось поступить в

² Ремеслуха – так в обиходе часто называли ремесленные училища, созданные в октябре 1940 г.

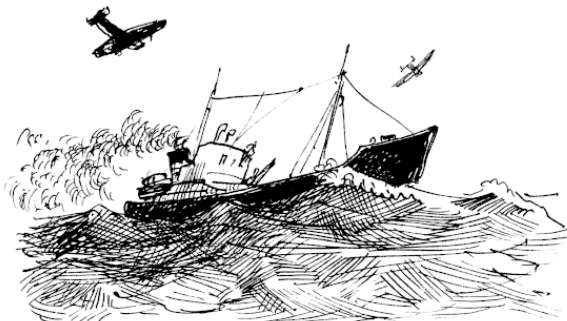
«Дзержинку»³. Эльза с отцом после войны жили в Севастополе. Там я и встретил ее во время учебного плавания. Только потеряв надежду найти тебя, в пятьдесят втором она согласилась стать моей женой. А теперь, после моего увольнения, живем в Ленинграде.

...Белая пелена тумана над Москвой-рекой постепенно опускалась, заволакивая уставшую от дневной суеты набережную. На другом берегу реки, над деревьями парка имени Горького, уже зарозовел восток, предвещая скорое наступление дня. А на втором этаже, в доме на Фрунзенской набережной, не ложились спать, не гасили свет. Здесь вспоминали события далекого детства более чем сорокалетней давности.

³ «Дзержинка» – Ленинградское военно-морское училище им. Ф. Э. Дзержинского.

Глава 1

Путь в неизвестность

Несильный, но какой-то плотный ветер с Ладоги, казалось, пронизывал каждого в огромной толпе людей, собравшихся у ветхой деревянной пристани, примыкавшей к деревне Осиновец.

Вход на нее, перегороженный толстой цепью, охранялся двумя матросами без оружия. Страдая от холодного ветра, люди топтались на месте, стараясь согреться, и не спускали глаз с парходика, мотавшегося на волнах за злополучной цепью.

– Граждане ленинградцы! – прозвучал голос с парходика, усиленный мегафоном. – Сейчас будет посадка! Первыми садятся дети двадцать первого дошкольного детского дома. Прошу, умоляю вас: сохраняйте порядок! Сегодня все будете на той стороне Ладоги. Следом за нами подойдет «Чапаев»!

Последние слова потонули в нарастающем людском гомоне.

Наученные горьким опытом матросы едва успели отбросить цепь в сторону. Толпа хлынула на пристань. Изможденные голодом люди тратили последние силы, стремясь скорее уйти от того страшного, что осталось в осажденном городе.

– Граждане! Товарищи! Пропустите детей! Вы же слышали, первыми садятся дети детского дома! – Нелли Ивановна, директор детдома, несмотря на довольно хрупкое телосложение, подобно ледоколу, прокладывала путь следующим за ней детям и обслуживающему персоналу.

– Вероника Петровна, вы что остановились, ей-богу! – крикнула она старой воспитательнице. – Товарищ матрос, помогите детям и пожилой женщине! наших должно быть сто двадцать четыре!

Вместе с детьми карабкались по хлипкому трапу и взрослые, в отчаянии бросая в воду мешающий нехитрый скарб, обессиленно, но по-ленинградски вежливо прося матросов о помощи.

Похоже, их не остановило бы даже известие, что из-за перегрузки парходик начал тонуть. И команда «Прекратить посадку! Убрать сходни!» только подхлестнула всеобщий напор. Лишь образовавшийся просвет между деревянным настилом причала и бортом парходика остановил толпу.

– Ты слышал? – обратился Виктор Стогов к своему другу Валерке Спичкину. – Остальные поедут на «Чапаеве». Везет же людям! Это не то что наша калоша! Какой-то «Вилсанди». Ну и названьице! Тьфу! стыдно сказать, на чем плыли. Наверняка «Чапаев» нас обгонит.

Он посмотрел на друга, ожидая возражения.

– Не-е, я слышал, что «Чапаев» еще на Большой земле. Матросы между собой говорили: «Зря капитан врет. „Чапаев“ после налета ремонтируется». И, скорее всего, наш, как его, «Вилсанди», сегодня же вернется назад за остальными. Пойдем посмотрим наш плавающий лапоть, – предложил он Виктору.

Несмотря на то что оставшиеся на берегу люди слились в почти неразличимую массу, а крики их тонули в шуме отбрасываемой за бортом воды, толпа стоящих у борта эвакуируемых с устремленными на берег Ладоги взорами не уменьшалась. Слышались всхлипывания, причитания, молитвы.

– Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Всевышний! – причитала, истово крестясь, стоящая рядом с ребятами бабушка. – Слава Тебе, что не допустил голодной смерти! Хочу прийти в царствие Твое с думой о святости, а не о хлебе...

Она хотела продолжить, но рядом с ней другая женщина, высокая, одетая в черное старомодное пальто с фиолетовой атласной отделкой воротника и обшлагов, начала странный монолог:

– Прощай, дорогой, любимый город, часть моей души и плоти! Прощайте и простите слабость мою, родные, за то, что покидаю ваши могилы не по доброй воле! Не судьба мне разделить последнюю сажень земли с вами, не покидавшими берега Невы в самые тяжкие годы вашей жизни...

– Что уж ты, матушка, так, словно на чужбину едешь? К сытости везут нас от голода, а ты голосишь, словно на каторгу собралась. Грешно гневить Бога, – вмешалась бабуля, которая возносила хвалу Всевышнему. – Я вот ижорская, всю жисть прожила рядом с заводом, тоже немолодая, а еду с радостью. Хочу вдосталь наестся хлебушка. Будет, наголодалась за зиму, только во сне и ела досыта. А жить и работать везде можно. Расея – она большая и вся своя. Привыкнешь и ты на новом месте...

– Привыкнуть можно. Жить будет тяжело. Здесь похоронены прадеды, деды, родители, муж и дочь.

Виктор с любопытством слушал разговор двух пожилых женщин и невольно представил себе свою мать, тоже верующую, для которой могилы родных, похороненных на Волковом кладбище, также были святы и дороги.

– Чо ты уши развесил? – дернул его Валерка. – Пойдем смотреть пароход, пока нас не хватились.

Они двинулись вдоль борта и только сейчас обратили внимание, что усилилась качка. Пароход бросало с борта на борт, а его нос то устремлялся в пучину, то вздыбливался так высоко, что впереди не было видно воды.

Истощенные, измученные люди терзались морской болезнью. Бледные, с выпученными глазами пассажиры страдали от приступов тошноты.

– Ой, мамочки! Ой, дурно мне! – раздавались со всех сторон голоса при каждом новом броске суденышка.

Предвидя качку, матросы сразу разместили детей в темном трюме, где качка ощущалась не так мучительно. И все равно многих рвало.

Желание мальчишек осмотреть пароходик неуклонно падало с каждым новым броском в пучину и подъемом на гребень волны.

Витьку мучило, но не очень. Валерке было хуже. При каждом броске он, словно рыба на берегу, широко открывал рот, жадно хватал воздух и закатывал глаза. Какой-то мужчина, видя Валеркины муки, сказал, что ему надо спуститься в трюм – там легче.

Они спустились. Осторожно ступая между детишками, Витька пробрался к Эльзе, уткнувшейся лицом в подол платья.

– Ну, ты чего? – тронул он ее за плечо.

Эльза подняла на него глаза, полные страдания, и, прикрыв ладонью рот, тихо, но властно сказала: «Уйди!» – и снова скорчилась от приступа тошноты.

Витька не обиделся на такое обращение, понимая, каково ей.

А с некоторых пор он вообще стал испытывать к своей бывшей однокласснице чувство почти родственной привязанности.

Это произошло после того, как Витька разыскал на ладожской пристани отца Эльзы, инженера, начальника энергоблока, до той поры уверенного в том, что его жена и дочь умерли от голода.

Витька вместе со всеми детдомовскими со слезами на глазах наблюдал за их встречей, а сказанные Сергеем Яковлевичем при расставании слова о том, что у него никого нет теперь дороже Эльзы и Виктора, взволновали его до глубины души, вызвав чувство ответственности за девочку. Возникнув, это чувство уже не покидало его.

Оглянувшись, Виктор увидел, что Валерка стоит рядом на коленях и, упершись головой в угол переборки и обшивки парохода, судорожно вздрагивает всем телом. Между приступами он с трудом произнес:

– Мне плохо!

– Пойдем наверх, там свежий воздух, и вообще... – Виктор помог другу подняться. – А то не успеем посмотреть пароход.

При каждом крене шарахаясь из стороны в сторону, они медленно поднялись по крутой железной лестнице на палубу. Здесь же стоять, не держась за что-нибудь, было невозможно. Витька потянул друга к следующей лестнице, ведущей на корабельную надстройку.

За маленькой, легко открывшейся дверью оказалось помещение, где почти не было слышно шума волн и не ощущалось дрожания работающей паровой машины. Здесь люди говорили спокойным голосом, без суеты, смотря то на бушующие волны, то на приборы у переднего стекла. Витька завороченно уставился на человека, вращающего огромное колесо штурвала. Он показался ему здесь самым главным, потому что напоминал капитанов парусных кораблей из прочитанных книг о морских пиратах. Он и сам, когда они плавали на самодельных плотках по многочисленным озерам под Ленинградом, предпочитал занять место у прикрепленного тележного колеса, чем толкать плот палками.

– Слева по борту тральщик! – прозвучала команда матроса, стоящего с биноклем у окна.

– Вижу. Это «сотка» Каргина, – почти беззаботно прокомментировал человек в бушлате, сидевший на высокой тумбе рядом с рулевым. Он был без курительной трубки и потому казался Витьке мало похожим на настоящего капитана.

– Прямо по курсу самолеты!

Это уже был тревожный крик рулевого. Едва глянув в бинокль, человек в бушлате командовал:

– Боевая тревога! Воздух! «Юнкерсы»!

Громко забил колокол. Один из находившихся здесь людей кинулся к двери, у которой, крепко держась за нее, стояли Витька и Валерка.

– Вы что здесь делаете? А ну, марш вниз, в трюм!

Он опередил их и, закинув ноги на перила, мигом скатился по узкой лестнице. В тот момент, когда ребята начали спускаться, раздалась пулеметная дробь и вдоль борта на мокрой палубе мелькнула череда фонтанчиков от пуль. Над пароходиком, едва не задев мачту, промчался фашистский самолет, и вслед за этим раздался сильный взрыв от разорвавшейся бомбы.

Пароход не только поднялся из воды, но, казалось, сдвинулся назад, отчего на палубе попадали даже матросы. Огромная стена воды обрушилась на пассажиров, заглушая крики и стоны. Разделившись на два потока, волна промчалась вдоль бортов и выплеснулась за кормой, увлекая за собой ящики, бочки, судовой инвентарь и несколько пассажиров.

Два судовых пулемета и зенитная пушка, словно соревнуясь между собой, неистово, почти не умолкая, били то короткими, то длинными очередями. Трудно было понять, сколько вражеских самолетов совершают налет на корабль-поплавок, прыгающий среди волн. Огромные фонтаны воды поднимались со всех сторон – то далеко, то настолько близко, что пароходик, словно футбольный мяч, подлетал вверх и плюхался с такой силой, что, казалось, из образовавшейся пропасти ему уже не выбраться на поверхность. Между разрывами бомб иногда по палубе прокатывалась дробь пуль, но она не производила такого страшного впечатления, как водяные «смерчи».

Витька с Валеркой не помнили, как оказались под железной лестницей, по которой только что спустились. Прижавшись друг к другу, они крепко держались за ее металлические прутья. В какой-то момент Витька поднял голову и увидел, что они находятся перед дверью. Он нажал на ручку и, едва она приоткрылась, толкнул друга в темный проем, устремившись следом за ним.

От страха ни тот, ни другой не ощутили боли, скатываясь по лестнице в какую-то крошечную тьму. Только спустя минуту они стали различать огромный механизм машины, работающей в напряженном режиме, запах горелого масла, угля и свирепое шипение пара. В тусклом свете керосиновой лампы помещение напоминало цех Кировского завода, куда они забежали к Валеркиному отцу до того, как он ушел на фронт. Двое голых по пояс людей с лоснящейся от пота кожей ловко перемещались между механизмами, словно им были неведомы качка и напор волн, создаваемые разрывами бомб. Здесь, казалось, ничто не напоминало о том, что происходит снаружи. Но это только казалось. В монотонное пыхтение машины внезапно ворвался треск разрываемого металла. Машинное отделение резко накренилось влево, и широкая, прозрачная, как стекло, струя воды перегородила проход между бортом и машиной. На дне стала быстро прибывать вода.

Ребята ринулись наверх, услышав, как один из матросов прокричал:

– Командир! В машинном пробоина под ватерлинией! Пришли людей завести пластырь!

Это была последняя бомба в налете, но последствия взрыва ее были ужасные. Вперемешку с мокрыми вещами, одеждой, бочками и ящиками лежали люди. Трудно было определить, кто из них ранен, кто мертвый: все шевелилось под влиянием качки. Во многих местах стояли лужи крови, разбавленные водой. Небольшая команда матросов спешно убирала последствия налета.

«Внимание! – раздалась команда по радио. – Лиц медицинского персонала прошу подняться на палубу для оказания помощи пострадавшим!»

Подходили к берегу. Здесь волн таких не было. Матросы спешили навести порядок. Никто из них не возразил, когда им стали помогать пассажиры. В меру сил старались и Витька с Валеркой. Растаскивая разбросанные по палубе вещи, Витька искоса посмотрел на правый борт, где рядком укладывали погибших. Трупы уже не вызывали панического страха, как это было до войны, когда в пионерском лагере ребята рассказывали о них страшные истории перед сном. Привыкнув к трупам за время страшной блокадной зимы, Виктор был уверен, что их здесь, на пароходике, надо укладывать именно рядком. Детдомовских среди погибших не было, все чужие. Но один труп он узнал. Это была женщина в старомодном пальто, все родные и близкие которой похоронены в Ленинграде. Возле нее стояла бабуля из Ижоры и громко причитала:

– Горемычная! Давно ли прощалась со своими усопшими родными, вот и сама преставилась, не уехала далече. Знать, судьба...

...В Кобоне, на восточном берегу Ладоги, картина человеческой суеты повторилась, только в обратной последовательности: люди торопились высадиться на берег, словно забыли, что четыре часа назад брали пароход штурмом.

Почти все ребята сами не могли спуститься по трапу: доконала качка. При выгрузке их из трюма обнаружилось, что трехлетняя Аня, которой по настоянию Эльзы дали фамилию Пожарова, умерла. Она была из группы, к которой еще в Ленинграде прикрепили Эльзу. В полумраке трюма никто не заметил, как это случилось. Возможно, она даже и не стонала. Хотя плохо тогда было многим, и, скорей всего, Анин голосок затерялся среди стонов других детей и взрослых.

Обнаружила мертвую малышку Эльза, когда хотела вынести девочку из трюма. Несмотря на требование директора без паники сообщать о смерти детей только ей и врачу, Эльза уткнулась Нелли Ивановне головой в живот и забилась в истерике, громко повторяя:

– А-а-а-ня-а-а!

Произнеся малопонятную фразу, Эльза беспомощно опустила на палубу и, как это было с ней всегда при сильных потрясениях, потеряла сознания.

При осмотре трупика врач не нашла других отклонений, кроме вывалившейся прямой кишки. Этим недугом страдали почти все истощенные дети, и умение вправлять ее вменялось в обязанность каждого сотрудника персонала и даже старших ребят, которые и сами мучились от этого, но не признавались, тайком вправляя ее себе так, как их учили делать маленьким детям.

– Болевой шок от ущемления прямой кишки, спровоцированного морской болезнью, – быстро осмотрев трупик Ани, засвидетельствовала смерть врач эвакоприемника, торопясь к другим пострадавшим.

Эльзу привели в чувство, и Витька с Валеркой помогли ей спуститься с парохода. Она еле тащила ноги и, громко всхлипывая, повторяла:

– Я-я-я ее лю-ю-би-и-ла, как ро-о-о-дную...

Витька, не стесняясь Валерки, тоже плакал. Эту девочку они с Эльзой нашли вдвоем у насыпи Витебской железной дороги, когда ходили на квартиру к Эльзе узнать, нет ли каких вестей от отца. После смерти матери Эльза одна домой ходить боялась. Ей все чудилось, что обезумевшая от голода, сгорбившаяся, косматая и страшная мать сидит возле «буржуйки»⁴, рвет и кидает в топку книги из богатой отцовской библиотеки. Незадолго перед смертью она совсем помешалась и выгнала дочь из дома.

Выскочив из квартиры, они поспешили в детдом и, чтобы сократить путь, пошли через насыпь железной дороги. Перейдя полотно, Эльза увидела лежащую внизу женщину, а рядом детские деревянные санки с укутанным ребенком.

Это было в первых числах апреля. Началась оттепель. Там, где снега уже не было, проклюнулись первые ростки мать-и-мачехи. Воздух был наполнен запахом нечистот и разлагающихся трупов, привезенных к насыпи с ближайших улиц.

– Обойдем стороной. – Виктор тронул Эльзу за рукав. – Сейчас скажем в нашем жэке. Придут, заберут.

Но Эльза потянула его в сторону женщины. Та лежала на боку, сжимая в руке несколько цветочных головок. К тонким иссохшим синим губам прилипли желтые лепестки.

Витька отвернулся. Но Эльза подошла к санкам, осторожно отвернула края нескольких теплых платков и увидела худое синюшное личико. От внезапного яркого света веки ребенка вздрогнули.

– Он жив, Витька! Ребенок жив! Потрогай его!

– Ну да. Еще чего... – пробурчал Стогов. – Жив – не жив, давай отвезем его к нам в детдом. Погляди, нет ли в карманах у женщины каких-либо документов⁵.

Эльза внимательно проверила все карманы.

– Нет ничего. Пойдем скорее, а то и ребенок помрет.

Это была девочка, и Эльза помогла ее помыть, потом покормила с ложечки, проявив при этом прямо-таки материнскую заботу. Она же через неделю добилась от девочки первого слова. Это было ее имя – Аня. Больше от девочки узнать ничего не удалось. Воспитательница хотела присвоить ей фамилию Боровая, по названию той улицы, где ее нашли. Но Эльза настояла, чтобы ее записали Пожаровой.

...О чем думала Эльза, в слезах спускаясь по трапу? Может быть, в смерти Ани узрела какой-то рок, нависший над фамилией Пожаровых, и корила себя за то, что, назови она Аню Боровой, девочка осталась бы жива?

⁴ «Буржуйка» – маленькая железная печь с дымовой трубой, выводимой в форточку.

⁵ С началом блокады жителям города рекомендовали носить с собой записки со своим адресом.

По три-четыре хрупких, истощенных человека матросы сажали на носилки и доставляли их с парохода к большому бараку приемного пункта, где на длинных столах, прямо под открытым небом, были приготовлены железные тарелки и кружки. Воздух здесь благоухал умопомрачительным запахом пшенной каши со свиной тушенкой.

Несмотря на приглашение помыть руки перед едой, большинство прибывших боялись отойти от столов, жадными глазами следя за девушками, приносящими большие бачки с кашей и подносы с кусками черного хлеба.

За раскладыванием каши следила врач, в каждом отдельном случае определяя размер порции. Большой опыт и чувство ответственности сделали ее привычной к разным реакциям наголодавшихся людей.

– Доктор, что вы делаете, почему мне только половину поварешки? Умоляю вас! – Пожилой мужчина, несмотря на тепло, одетый в старое демисезонное пальто, крепко вцепился в рукав халата женщины-врача. – Последние дни я почти ничего не ел. Понимаете, умерла жена, а за рытье могилы, похороны и прочее пришлось расплачиваться хлебом. Я художник, есть интересные идеи, надо срочно восстановить силы, чтобы успеть реализовать замыслы.

Он пытался сказать что-то еще убедительное, но врач вежливо освободила свою руку.

– Конечно, я вас понимаю, но вам сейчас нельзя сразу много пищи. Это никакой пользы не принесет, только навредит. Все будет нормально, но нужна постепенность...

Пожилая женщина с Ижорского завода оказалась следующей за столом и сама опередила врача.

– Э-э, дочка, он интеллигент. – Она кивнула в сторону художника. – Ему, может, и вредно много пищи, а мы люди рабочие, всегда ели много, впрок. Мне не страшно, ты уж не скупись!

Она обеими руками, чтобы, не дай бог, не уронить, протянула миску.

Но врач огорчила и ее.

Глядя с испугом и возмущением на свою порцию, она со всей пролетарской прямоотой накинулась на врача:

– Что ж ты делаешь, а? Зачем я сюда ехала? На мне экономишь?! Сама небось ешь досыта! Говорили, здесь накормят! Как же! Меньше, чем в городе! Буду жаловаться!..

За другими столами раздавались почти такие же возгласы, но в более мягкой, умоляющей форме. Дети детдома просили тихо, жалобно, со слезами.

Обед прервала воздушная тревога.

– Граждане! Быстро в щели! – командовали те же девушки, которые только что раздавали кашу. Они хватили детей и устремлялись к траншеям, выкопанным вдоль кустарника в сотне метров от «столовой».

Большинство людей бежали, унося свои миски и хлеб. Таща закрепленных за ним детей, Виктор увидел, как его обогнала Ижорская. Достигнув конца стола, она на секунду задержалась, затем запустила миску в оставленный бачок с кашей и помчалась дальше.

Немцы начали бомбить пристань, потом переключились на железнодорожную станцию. Бомбы ложились все ближе к эшелону, в котором предстояло эвакуироваться прибывшим ленинградцам. Кто-то из «стервятников» взял на прицел и «столовую».

Виктор понял, что взрывы приближаются к траншеям. Несколько комков земли упали на него. Он всем телом навалился на двух своих подопечных малышей, прижав их к земле, и накрыл руками ребячьи головы.

Приученные к взрывам, малыши не кричали и даже не плакали. Один из них держал кусок хлеба. Худенькие синие пальчики глубоко вонзились в мякиш, словно боясь, что прилетевшие фашисты отберут драгоценный ломоть. Это была рука ребенка блокады, и в ней угадывался весь ужас пережитого года.

«Вот тебе и Большая земля! – подумал Стогов. – Здесь нисколько не лучше, чем в городе. Бомбят, как и там. Еще могут и убить. Зря я уехал из...»

Совсем рядом вдруг поднялась черная стена земли. И тотчас Виктор почувствовал, как голову ото лба к затылку пронзила резкая боль. Когда земля стала опускаться, она приобрела какой-то розовый оттенок с переливами, словно облако, подсвеченное солнцем перед закатом. Показалось, что и он сам, вслед за облаком, стал куда-то опускаться, проваливаться. Это напоминало голодные обмороки, которые часто случались прошедшей зимой. Правда, боли тогда не было.

Приступ наступившей слабости парализовал все тело. Виктор лежал уткнувшись лицом в землю, ощущая лбом и носом что-то теплое и липкое. Попытка поднять голову, чтобы посмотреть на прижатых им ребятишек, не увенчалась успехом. Сопrotивляясь обмороку, он пытался, как это делал в Ленинграде, что-то вспомнить. Что? В угасающем сознании стали быстро мелькать образы матери, ушедшей за водой и не вернувшейся, Эльзы, закутанной в тряпки, возле санок с бидонами воды, мертвой женщины на пароходе, которой так и не удалось покинуть ленинградскую землю... Наконец вспомнил, о чем думал перед тем, как потерять сознание: «Зря я уехал из Ленинграда...»

Сознание возвращалось одновременно с ощущением резкого запаха нашатырного спирта. Это состояние было знакомо по пробуждению после голодного обморока. Лежа с закрытыми глазами, он на миг перенесся в темное ленинградское утро, когда его будил раздававшийся из черной тарелки репродуктора голос диктора Ленинградского радио Меламеда: «Говорит Ленинград!» А это означало, что независимо от самочувствия надо просыпаться и в крошечной мгле тащиться в булочную, вставать в очередь и ждать, когда подойдет мать, которая в это время занимала очередь в продуктовый магазин в надежде чем-то отовариться по продовольственным карточкам.

Медленно поднимаясь, он чувствовал, что сил едва хватает только на то, чтобы пощупать хлебные карточки, пришпиленные во внутреннем кармане пальто. Этот карман ему пришила мать, полагая, что вряд ли кому-то взбрдет в голову ограбить ребенка. Превозмогая слабость, он действительно дотянулся рукой до того места, где должен быть карман. Но его не было! Стало быть, не было и драгоценных карточек. От испуга Виктор застонал и открыл глаза.

Первое, что он увидел, – это совершенно белый потолок и низко висящую лампочку без абажура. Он попытался повернуть голову, но почувствовал, что она чем-то сильно сдавлена. Виктор застонал.

– Ну, слава богу! – послышался тихий голос, по которому он безошибочно определил директора детдома Нелли Ивановну.

– Да я вам говорила, рана сама по себе не опасная, если не произойдет заражения, – сказала женщина, голос которой Стогову не был знаком.

– Не скажите... Такое ранение при сильном истощении организма! Все можно ожидать.

По характерному грассирующему произношению Виктор узнал детдомовскую врачу Изабеллу Юрьевну.

– Я здесь только с такими и имею дело, – тихо, но твердо заверила незнакомая женщина.

– Он не такой, как все, – не унималась Изабелла Юрьевна. – Судьба его достаточно испытала: голод, возвращение к жизни после катастрофического переохлаждения, когда его, как замерзший труп, подобрали дружинницы. О, это целая история, как его, «ледяного мальчика», выхаживали в медицинском институте. Было бы обидно потерять его здесь, на Большой земле.

– Где я? – тихо спросил Виктор.

– В лазарете. Немного царапнуло тебя осколком по голове, или, как говорит твой друг Валерка, по «кумполу». – Нелли Ивановна улыбалась. – Ничего страшного, до свадьбы заживет!

«По кумполу!» – Виктор смотрел на любимую, добрую Нелли Ивановну, которая искренне и легко, когда надо, переходила с официального языка на их, ребячий, жаргон. Она что-то еще говорила, но Виктор не вслушивался, пытаясь вспомнить, что произошло.

– Кого-нибудь убило?

– Нет, из наших ты пострадал да еще из группы Вероники Петровны двое маленьких, незначительно.

– А мои? Ну те двое, что со мной были?

– Слегка контужены. Но, в общем, все в норме.

– А когда поедим?

– Не знаю. Наш эшелон разбит.

– А без меня не уедете?

По тому, как Нелли Ивановна задержалась с ответом, Виктор понял, что такой случай не исключен.

– Не бросайте меня, Нелли Ивановна. А то я убегу!

– О-о, в этом может кто-то и сомневается, а я – нет. Ты меня убедил еще в Ленинграде побегом на фронт. Давай-ка быстрее поправляйся, а там посмотрим, – уклонилась директор от ответа.

– А где Валерка, Эльза, Гешка?

– В бараках, помогают устраивать детей.

«Беги, беги в щель, пацан! – кричала Ижорская. – Да захвати своих детишек-то, дуралей!»

Виктор оглянулся и увидел, как она горстями хватала пшеничную кашу со свиной тушенкой из его миски, потом из мисок ребят, которых он тащил с собой.

«Не смей!» – что есть мочи крикнул он и... проснулся.

– Эй, малец! Ты что? Небось что-то страшное, ленинградское увидел?

Перед ним стояла пожилая женщина в белом засаленном халате, только лицо ее было полнее, чем у только что приснившейся Ижорской, и добрее глаза.

– Хорошо, что ты проснулся. На-ка, поешь манной каши на молоке. Врачиха сказала, что ты ел еще на той стороне Ладоги. Потому тебе и каши малость дают, как котенку.

Она поставила на стул перед ним железную миску с действительно кошачьей порцией каши. «Моя порция пшенки, оставшаяся во сне, которую, наверное, съела „ижорская“ обжора, была значительно больше», – подумал он.

Несмотря на голод, в голове вертелась более важная мысль:

– Теть, а где бараки с нашим детдомом?

– Да недалече, на торфоразработках.

– А как туда добраться?

– Да ты что, идти туда удумал? Выкинь из головы! Врачиха приказала лежать, потому как сотрясение мозга у тебя.

– Да нет. Я к тому, что могут ребята навестить, так чтоб не заблудились. А я что, я лежу и буду лежать, пока не поправлюсь.

– Не заблудятся твои ребята. Сюда никого не пускают. Карантин объявили по дизентерии. Уже который раз.

– А станция где?

– Какая станция?

– Ну та, с которой отправляют эшелоны эвакуированных.

– Да никакой станции нет, тупик тут, вона за окном. – Она отодвинула занавеску. – Батюшки! Кажись, началась посадка ленинградцев. Ах ты господи! Мне ж надо собрать... Да ты ешь быстрее, а то остынет!

Она заторопилась к двери, на ходу объясняя, что ей надо собрать. Но Виктор уже не слушал. Он, как мог, стремительно поднялся, отдернул занавеску и... вместо уличного пейзажа

увидел Валерку Спичкина, прижавшегося к стеклу так, что из-за приплюснутого носа сделался похожим на поросенка.

– Витька, открой!

Виктор больше догадался, чем услышал приглушенный стеклами голос друга. Он с трудом поднял шпингалеты оконных рам.

– Мы уезжаем! – затараторил Валерка, едва приоткрылось окно. – Тебя оставляют здесь. Говорят, у вас в лазарете у кого-то понос, значит, всех надо проверить. К тебе не пускают. Я пролез. За уборной есть дырка в проволоке. Ты как? – Валерка пылливо и с надеждой смотрел на Стогова. – Эльза плачет. Ходила к директорше, а та сказала, что сама сожалеет, но не имеет права. Я на всякий случай взял у Гешки портки, футболку. А на башку Эльза дала тебе платок, чтоб бинты не видны были.

Одевание заняло считанные минуты. Виктор кинулся к окну, потом вернулся к стулу и, как когда-то сделала Ижорская, горстями в два приема съел кашу, запил холодным сладким чаем, а кусочек белого хлеба положил за ворот рубашки.

К эшелону Валерка вел Виктора стороной, за кустами, высаженными вдоль насыпи. Остановившись, он посчитал вагоны и уверенно сказал:

– Вот начинаются наши. Мы с тобой в шестом, а Эльза с девчонками – в следующем. Стой здесь. Я посмотрю, нет ли кого, кто может выдать нас.

Он шмыгнул в заросли. Уже через минуту, присев между колесами, радостно заорал:

– Витька, мотай сюда, здесь никого нет!

Виктор пролез под вагонами и огляделся.

Первое, что бросилось в глаза, – это крупно написанное мелом на раздвижной двери:

ДЕТДОМ № 21, ВАГОН 6.

С помощью Валерки и раздетого Гешки Виктор с большим трудом влез в чрево вагона-товарняка. В нос ударил едкий запах человеческого пота, хлорки и столовских помоев. Слева и справа от входа из досок были сделаны двухэтажные нары, уже застеленные постельным бельем, с лесенками на верхнюю полку. У противоположной двери стояли грубо сколоченный стол с лавками, железный питьевой бак и ведро. Витька подумал, что в телятнике⁶ ездить еще не приходилось. В пионерский лагерь возили в пассажирских вагонах.

– А где все? – спросил Виктор.

– Обедают. Сейчас придут, – ответил Гешка. Потом, как будто извиняясь, попросил: – Витька, отдай штаны. Мы с Валеркой смогаемся, сами пошамаем и тебе чего-нибудь принесем.

Виктор остался в одних трусах и Эльзином платке. Он закрыл дверь, залез на вторую полку и забился в угол. Оставшись один, он предался воспоминаниям. С теплотой вспомнилась профессорша Вера Георгиевна, приютившая его после того, как он «оттаял» из состояния «свежезамороженной кильки» – так она говорила о нем врачам в госпитале. Она очень хотела, чтобы он жил у нее. Сейчас стало жалко и стыдно, что тайком удрал на фронт. Все равно из этого ничего не вышло, только хуже обернулось: попал в детдом да еще дошкольный, а потом загремел в эвакуацию. Правда, Вера Георгиевна тоже собиралась отправить его на Урал, к своей матери и сыну.

Воспоминания прервались приближением множества детских голосов. Дверь отодвинулась, и Валерка скомандовал:

– Гешка, залезай, будешь принимать сопл ячков!

Виктор слез с полки, чтобы помочь Геше.

– Ура-а! Витька вернулся! – завизжали «соплячки» его группы.

⁶ Товарные вагоны называли товарняками, теплушками, телятниками.

– Цыц! – гаркнул Валерка. – Если кто-нибудь проговорится воспитательницам о Витьке, выброшу из вагона! Поняли все? Витька будет пока сидеть на верхней полке в углу, и никто не должен знать об этом. Пока не тронется поезд, к нему не подходить!

– А почему-у? – прогнусавил с обидой один из малышей, Саша Балтийский.

– А потому! Много будешь знать – скоро состаришься, – объяснил Валерка, но, чувствуя, что связь между словами «знать» и «состариться» ему и самому не понятна, уточнил: – Витьку могут увести на перевязку. Витька, покажи бинты! – обратился он к Стогову. – А поезд ждать не будет. Теперь ясно?

Когда все дети оказались в вагоне, Валерка развернул газетный пакет.

– На, одевай! – подал он Стогову темно-синие штаны и клетчатую серую рубашку. – Пока Гешка выпрашивал тебе порцию еды, я искал одежду.

– Где искал?

– А там, на пристани, сарай, на дверях которого написано: «Склад потерянных вещей». Там чего только нет, и взять можно было бы что-то получше, но я спешил, схватил первое, что под руку попало, пока никого не было. Еще три панамы: мне, тебе и Гешке.

– Ребята! – раздался голос воспитательницы Александры Гавриловны. – Принимайте посуду и бачки с ужином. Да помогите мне забраться! Нелли Ивановна приказала, когда тронется поезд, дверь закрыть. Но небольшую щель надо оставить, а то мы задохнемся, да и света будет побольше. Нам теперь будет труднее без Виктора.

В полутемном вагоне она еще не присмотрелась к углам, в одном из которых, на верхней полке, сидел Стогов.

– А может, его отпустят? – робко спросил Геша.

– Нет. Врач сказала, если анализ на дизентерийную палочку не подтвердится, его отправят следующим эшелонам. А вот когда и куда, неизвестно.

Почти одновременно с длинным, протяжным гудком лязгнула сцепка. Вагон подался назад, а потом рывком двинулся вперед. В оставленную щель стала видна ползущая назад земля. Все оживились. Валерка с Гешей подошли к щели в двери, но Александра Гавриловна испуганно крикнула:

– К двери не подходить! Не подавайте плохой пример детям!

– Валерка, ты сказал, пока не тронется поезд, о Витьке говорить нельзя, а сейчас можно? – громко спросил Саша Балтийский, который так и не понял, почему нельзя сказать воспитательнице о том, что с ними едет Стогов.

Александра Гавриловна насторожилась.

– Валера, почему ты детям запретил говорить о Викторе?

Спичкин от неожиданности растерялся. Он перевел взгляд с воспитательницы на наивно смотрящего на него мальчика и не находил объяснения.

– Александра Гавриловна, я здесь! – громко объявил Стогов, выбираясь из своего угла.

Ребята радостно завизжали, воспринимая это как хитро задуманную игру.

Испуганно глядя на Стогова, Александра Гавриловна медленно опустилась на нары.

– Ты... ты как сюда попал? Ты же должен лежать, проверяться. Надо немедленно остановить поезд. Надо доложить Нелли Ивановне! Господи! Я не знаю, что делать!

– А ничего не надо делать. Я с другими не поеду! Башка уже не болит, и поноса у меня нет. А к Нелли Ивановне на остановке пойду сам.

...Поезд начал энергично тормозить, и потому директор развернула схему, полученную в штабе эвакуационного пункта о пути их следования и остановках.

– Это остановка? – спросила Изабелла Юрьевна и, не дождавшись ответа, продолжила: – Это хорошо. Мне бы надо пройти по группам, то есть по вагонам. Проверить, нет ли у кого-нибудь расстройства желудка и вообще, возможно, уже горшки переполнились.

– А черт ее знает! – ответила директор, выглянув из вагона. – Остановка должна быть на станции Остров, а тут не то что острова – семафора даже не видно. Наверное, так и поедем: расписание само по себе, а поезд сам по себе. У каждого приличного столба – остановка. Давайте-ка я пробегусь. Вам труднее забираться.

Нелли Ивановна спрыгнула на насыпь и чуть не столкнулась со Стоговым.

– Нелли Ивановна, я к вам, – широко улыбаясь, остановился Виктор. – Я хотел...

– Ты как здесь оказался? Удрал?! Тебя там искать будут!

– Ну и пусть! А я с другими не поеду!

– Господи, за что мне такое наказание! Я предчувствовала, что ты выкинешь коленце, хотела предупредить там, да замоталась. Пойдем! – Директор пропустила его вперед, боясь, что он сейчас нырнет под вагон – и пятки не успеешь разглядеть.

– Почему же Александра Гавриловна не доложила мне, что ты объявился?

– Она не знала. Я спрятался на верхних нарах и вылез, когда поезд тронулся.

– Изабелла Юрьевна, выгляните из вагона, я хочу вам подарочек сделать! – громко сказала директор. – Вот, полюбуйтесь!

Врач посмотрела не в лицо Виктору, а на голову.

– Какие грязные бинты! Надо немедленно сделать перевязку.

– И вас не удивляет, как появился здесь этот обладатель грязных бинтов?

– Боже, так это Виктор Стогов! Он же лежит, то есть лежал, в лазарете!

– Вот именно, *лежал*. Ну-ка, счастливое явление из нашего прошлого, забирайся в вагон на перевязку!.. Я ведь чего боялась, – продолжила Нелли Ивановна, обращаясь к врачу, – если его оставят там, в Кобоне, то сбегут и его дружки-приятели, и Эльза с ними. А в сухом остатке будут чистый дошкольный детдом и большая куча неприятностей за нашу с вами педагогическую близорукость.

Очень скоро проявилась принципиальная разница перевозки в товарных вагонах скота и детей. К стойкой духоте, пропитанной мочой животных, прибавился «аромат» от батареи детских горшков, на которых, независимо от обстоятельств, всегда кто-то сидел, не считаясь с работой «столовой», отделенной от «туалета» пространством в полтора-два метра. Запах пищи – завтрак, обеда или ужина – перебивался запахом из маленьких зеленых емкостей с ручками.

Туалетное ведро для перс

она и старших ребят старались немедленно выплескивать из вагона. Все соглашались с тем, что запах пищи не способен конкурировать с устоявшейся атмосферой вагона и не возбуждает аппетит, и ели лишь потому, что это нужно. Спасти положение могла только широко открытая дверь, но все понимали, что во время движения это опасно.

– Нелли Ивановна, нам нужны рейки, ножовка, гвозди и молоток. – Стогов показал бумажку с изображением решетки, прибитой к двери. – Когда дверь полузакрыта, решетка дает большой проем, в который малыши не пролезут. Мы с Валеркой обещаем сделать это во всех вагонах. Только вот у нас просьба... – Виктор смутился. – Пусть Александра Гавриловна едет в другом вагоне...

– Чем же она вам не угодила?

– Ну, понимаете... нам неприятно при ней садиться на ведро, а она, когда ей нужно, просит нас отойти к другой стенке. Да вы не беспокойтесь: за малышами мы сами присмотрим. А на завтрак, обед, ужин пусть приходит. В вагоне с мальчишками могут справиться Гешка, Семка и Антон.

Нелли Ивановна сама смутилась оттого, что не предусмотрела такой пикантной подробности. Она думала еще категориями блокады, когда голод уравнивал всех и о стеснительности вопрос не стоял. Вместе с сытостью вернулось и чувство стыда.

С этого момента вагоны поделили на «мужские» и «женские» с правом свободного взаимного посещения по необходимости.

На одной из станций они остановились напротив воинского эшелона. Нелли Ивановна подошла к вагону красноармейцев. О чем она говорила с молодыми парнями, неизвестно. Скорее всего, просто сказала, что это дети из блокадного Ленинграда. Эти слова магически действовали на всех, и люди безотказно шли на помощь. Довольно быстро у военных нашлись топоры, ножовки, доски, и через час Витькина идея о решетке была воплощена в действительность. Конструкция военных оказалась даже совершеннее, чем предложил Стогов, потому что, когда надо было закрыть дверь полностью, доски поднимались вертикально и держались на крючках.

Витька решил солдатскую благосклонность использовать до конца.

– Дядя командир, – обратился он к старшему, который руководил работой, – нам бы топорик и еще что-нибудь из инструмента, чего не жалко, а то дорогой все может случиться.

– И то правда, Михеев, отдай ребятам инструмент, пару-тройку досок и отсыпь гвоздей! – приказал он тому, кто работал в Витькином вагоне.

Решетка позволяла детям подходить к раскрытой двери и смотреть сквозь широкие щели на проплывающие мимо леса, кустарники, речки, облака, вызывая радость, удивление, смех, сотни вопросов.

Поезд шел медленно, не по графику, который был у директора, и часто останавливался. Все с нетерпением ждали прибытия в Кострому, а когда поезд остановился на станции, оказалось, что это Вологда. Одно оставалось неизменным – направление на восток.

Вагонная жизнь становилась привычной. Стук колес, из-за которого некоторые сотрудницы страдали бессонницей, уже не раздражал. Наоборот, воспринимался почти как колыбельная песня, означая, что все идет нормально, поезд следует в нужном направлении, к нужной станции. «Нор-маль-но, нор-маль-но», – выстукивали колесные пары.

По уточненному маршруту движения эшелона на одной из станций предполагалась смена постельного белья. Когда поезд остановился, директор выскочила из вагона, готовая бежать организовывать это мероприятие, но, увидев спешащую ей навстречу женщину с красной повязкой на рукаве, остановилась.

– Мне очень нужен ваш директор, – обратилась она к Нелли Ивановне, с трудом переводя дыхание.

– Это я, – с удивлением ответила директор. – Вы по поводу смены белья?

– Нет, это не по моей части. Мне приказано сообщить вам, что ваш эшелон переводится на другой путь, а паровоз ваш забирают для поезда раненых.

– А когда нам дадут паровоз?

– Не знаю. Паровозов свободных нет. Обеспечиваем отправку эшелонов по степени важности. Ваш состав уступает путь санитарному. Но у вас дети. Поэтому, скорее всего, подцепим ваши вагоны к прибывающему через час эшелону. Надо подождать часа два, а может, и больше.

– Что же так долго?

– На железной дороге ничего быстро не делается. Надо расформировать ваш эшелон, «выдернуть» детдомовские вагоны, подцепить к другому эшелону.

Директор собрала небольшое совещание, чтобы распределить обязанности. Мальчишки должны были обеспечить все вагоны водой из паровозоправочных колонок.

Для замены белья директор взяла с собой почти весь персонал, в том числе и старших ребят. Нагруженные тюками с простынями, пододеяльниками, наволочками, полотенцами, словно караван верблюдов, все шли цепочкой за Нелли Ивановной на вокзал, к пункту обмена. Как оказалось, чистое белье подвезут минут через сорок.

– Пойдемте глянем на рынок, – предложила воспитательница Вероника Петровна. – Ужас как хочется малосолевого огурчика. Последнюю кофту отдам за него!

– Да она у вас и так, наверное, последняя, – с усмешкой заметила директор. – Идите, я останусь ждать!

Чем дальше на восток продвигался поезд, тем беднее становился гардероб воспитательниц, менявших на вареную картошку, капусту, соленые огурцы те немногие вещи, которые удалось захватить из Ленинграда. Избалованные пассажирами проходящих поездов, торговки на станциях с недовольными физиономиями крутили, мяли, просматривали на свет каждую вещь, прежде чем объявить ее картофельно-огурцовый эквивалент.

Виктору, Валерке, Эльзе менять было нечего. Они шли между рядами, вдыхая аппетитные запахи квашеной капусты, свежих овощей, отварной картошки, уложенной в кулечки. Никто из них не придал значения возникшему шуму. Почти тотчас мимо них промчались двое

мальчишек примерно их возраста, один из которых сунул Витьке в руки большой кусок сала. Прежде чем Стогов успел что-либо понять, громадного роста мужик с искаженным от гнева лицом вцепился в него железной хваткой.

– Стой, ворюга! – взревел он. – Я тя-я враз отучу воровать!

Он широкой, как совковая лопата, ладонью огрел Витьку по затылку. Его примеру последовал другой мужчина, крепко схвативший за ухо Спичкина.

– Вы что делаете! Ненормальный! Ему же больно! – закричала Эльза и укусила того, кто вцепился в Валеркино ухо.

– Ах ты, коза паршивая! – завопил мужик и, отпустив Валерку, попытался схватить за ухо Эльзу. – Это целая шайка! Бейте их, люди!

Но люди, обступившие кольцом эту дикую сцену расправы, не спешили присоединиться.

– Не тронь ее! – закричал Виктор и, изловчившись, с силой швырнул сало в лицо обидчику Эльзы.

Удар пришелся по переносице. Мужик закрыл руками глаза и завопил вперемешку с матерными словами. Видимо, в глаза ему попала соль.

– Держите его! – призывал он людей.

Здоровенный мужик снова схватил Валерку.

Спичкин, как мог, попытался уклониться от ударов, прикрывая голову руками.

– Помогите! – Отчаянный крик Эльзы разнесся над рынком.

Валерка еще держал руки над головой, но удары уже прекратились, и послышались громкие выкрики:

– Бандит! Хулиган! Матерщинник! – Это были знакомые голоса Вероники Петровны и Александры Гавриловны.

Валерка увидел, как две женщины молотят мужика, а тот отмахивается от них, как от разъяренных пчел. При этом Вероника Петровна пыталась ухватить его за волосы.

Что-то произошло с толпой. Видимо, стоявшие рядом люди уловили гневные выкрики двух по-городскому одетых женщин. Возможно, оценили и тот факт, что «ворюги» не убежали, а пытались защищать друг друга. Это было совсем не похоже на поведение настоящих воров.

От толпы отделились двое. Один из них, схватив Валеркиного мучителя за руки, предупредил:

– Эй, дядя, заткнись, пока мы тебе пар не выпустили! Сейчас разберемся.

– Ты что у него украл? – обратился другой к Виктору, осторожно потиравшему больное место на затылке.

– Я ничего не крал, я его даже не видел!

– Да? А шмат сала, которым ты залепил в глаз Гавриле?

– Мне его сунул в руки один из бежавших ребят.

– Врет он! Врет! – завопил тот, который тер воспалившиеся глаза.

– Вы откуда, из ремеслухи?

– Нет, мы эвакуированные из Ленинграда, – выступила Вероника Петровна. – У нас здесь остановка.

– Правду говорит, – заметила женщина из толпы, – на четвертом пути стоит ленинградский поезд. Ах ты, кулак! Жлоб чертов! – Она смачно плюнула в лицо тому, который до сих пор тер глаза. – Нашел, кого бить! Их немец бил, морил голодом, а тут свои – хуже фашистов! Руки чешутся – попросись на фронт! Чего сидишь здесь, гнида?! – Она приблизилась к тому, который бил Валерку и вlepила ему полновесную затрещину. – Люди! Что стоите? Бить их надо, негодяев! Отожрали рыла на базаре! Об такие хари немецкие танки расшибутся!

Первыми в «бой» ринулись женщины, видимо, в обиду за то, что их мужья дерутся на фронте, а эти два верзила воюют с детьми.

Взяв ребят за руки, Вероника Петровна потащила их из толпы, хотя Виктору и Валерке очень хотелось если не поучаствовать, то хоть посмотреть на процесс восстановления справедливости.

Они уже отошли на почтительное расстояние, когда сзади стали раздаваться милицейские свистки.

Встретившей их Нелли Ивановне Вероника Петровна вкратце рассказала о случившемся.

– Как вас угораздило влипнуть в эту историю? Виктор, я уже начинаю жалеть, что не вернула тебя в Кобону. Посмотри на Валеркино отвисшее как у слона ухо! Полюбуйся в зеркало на свою расквашенную физиономию! А ты?! – обратилась директор к Эльзе. – Куда тебя-то понесло? Если бы тебя не было, они могли бы убежать...

– Ну да, чтобы подумали, что мы воры! – перебил Виктор, придерживая мокрую тряпку на затылке.

– Виктор прав. Что вы говорите, Нелли Ивановна! – вмешалась Вероника Петровна. – Они уподобились бы тем ребятам, которые...

– Прав, прав! – перебила ее директор. – А ведь их могли изувечить! Это же изверги, кулачье проклятое! Впредь я запрещаю вам, черти полосатые, делать хоть шаг без разрешения воспитательницы! Как приедем на место, буду настаивать о переводе вас в школьный детдом. Хочу умереть от старости, а не от инфаркта...

Ругая ребят, директор назвала их «черти полосатые», а это означало, по давнему Ленинградскому опыту, что серьезных последствий уже не будет.

...Поезд долго шел по местности, почти лишенной человеческого жилья, – мимо невозделанных полей, дремучих лесов, пустынных перелесков.

Но вдруг началось довольно энергичное торможение. Все прильнули к открытым дверям.

Более красивого места еще не было. Сразу от насыпи железной дороги начиналась широкая полоса густой травы, за которой, через редкий кустарник, просматривалось большое озеро с очень низкими берегами, словно огромное блюдце, наполненное до краев водой. А на противоположном берегу, почти у самой воды, стояла плотная стена лиственного леса. И никаких признаков цивилизации... Чтобы полюбоваться пейзажем, воспитательницы стали выпрыгивать из вагонов, разминая руки и ноги.

– Нелли Ивановна, мы сбегает к паровозу, узнаем, надолго ли. – Виктор и Валера предупредили желание директора.

– Хорошо, только нигде не задерживайтесь!

Ребята вернулись быстро.

– Машинист сказал, что где-то лопнул тормозной шланг. Когда исправят, дадут длинный гудок. Он добавил, что мы успеем искупаться.

– Как это кстати, – вмешалась Изабелла Юрьевна, – две недели немые, кошмар!

Ребята побежали к озеру, успев раздеться на ходу, и кинулись в воду почти все одновременно. Хотя вода была довольно прохладная, это все равно было лучше, чем мытье из вагонного рукомыльника. Виктор вынырнул и увидел, что Эльза стоит в платье по шиколотку в воде.

– Ты чего? Вода мировецкая, давай! – Он кинулся к ней, пытаясь схватить за руку.

– Нет, Витька, я не могу: у меня нет купальника.

Виктор смутился, вспомнив, что в последние перед войной каникулы в пионерском лагере Эльза купалась уже в купальнике.

– Надень мою рубашку, вон за кустом переоденься. Не упускать же такой случай!

Все барахтались в воде, забыв о времени. Поэтому многие не обратили внимания на то, что паровоз прогудел уже не один раз.

– Быстро все по вагонам! – тревожно закричала Нелли Ивановна. – Изабелла Юрьевна, бросьте свое переодевание, бегите!

Поезд тронулся, и ребята на ходу подсаживали своих воспитательниц. Веронику Петровну заталкивали уже на бегу в последний детдомовский вагон. В следующих, нететдомовских, двери были либо уже закрыты полностью, либо настолько, что посадочная скоба приходилась на голую стенку двери и схватиться руками было не за что.

Виктор заволновался, потому что поезд набирал скорость. За последним вагоном катилась открытая платформа с ящиками, которую прицепили на предыдущей станции.

– Валерка, прыгаем! – скомандовал Стогов и схватился за задний борт платформы.

Это напомнило ему любимое в Ленинграде занятие – запрыгивать на подножку или на сцепку последнего вагона трамвая. У них даже во дворе между ребятами проводились соревнования: кто на большей скорости спрыгнет или заскочит в трамвай.

Оказавшись на полу платформы, он помог Валерке перевалиться через борт.

– Гляди! – Валерка показал на бегущих к насыпи и отчаянно машущих руками людей из других вагонов. – Невезуха... теперь им придется пешком чапать до ближайшей станции.

– А мы что будем делать? Ехать на платформе до ближайшей остановки? А где она?

– Витька, Нелли Ивановна, наверное, с ума сходит, – сочувственно заметил Валерка. – Давай побежим по крышам. Только как узнать наши вагоны, ну хотя бы примерно?

Виктор подошел к краю платформы. Проем между вагоном и платформой показался великоватым. А внизу лязгала сцепка и до жути быстро мелькали шпалы. Он почувствовал страх, но показать другу, что испугался, не мог.

– Давай попробуем! – неуверенно предложил он.

Стогов осторожно стал на сцепку, держась за борт, потом, развернувшись, схватился за железную лестницу на стенке последнего вагона, забрался на крышу и, свесив голову, прокричал:

– Валяй сюда, нестрашно!

Валерка заполз на крышу и так и остался лежать на животе.

– Давай отдохнем малость, – предложил он.

Но Витьку что-то подстегивало. Он и себе не смел признаться, что рискует ради того, чтобы покричать с крыши в слуховое окно вагона, в котором едет Эльза. Подошел к краю. Опять пугали расстояние между вагонами и высота до мелькающей внизу земли. С крыши поезд казался гигантской извивающейся ящерицей.

То же самое испытывал и Валерка.

– Может, не стоит, а? – предложил он.

– А чего бояться? По крышам сараев прыгали, а там расстояния были больше.

– Да, так то ж сараи.

Витька отошел на пять шагов, разбежался, и... Приземлился он на много дальше, чем нужно.

– Порядок! – радостно крикнул он. – Валерка, давай, я подстрахую!

Страшно прыгать было только на первый вагон, потом они прыгали с вагона на вагон, не задерживаясь.

Стогов остановился, попытался подсчитать оставшиеся впереди вагоны.

– Кажется, здесь. Сейчас выясним.

Он лег поперек вагона, подполз к краю, свесил голову и крикнул:

– Нелли Ивановна!

– Виктор, это ты? – раздался голос Изабеллы Юрьевны. – Как тебя туда занесло? – задала она нелепый вопрос, как будто забыла, что всего десять – пятнадцать минут назад с его помощью карабкалась в теплушку, причитая: «Ох, миленькие, помогите! Ой, страшно!» – Нелли Ивановна в вагоне впереди нас! Но ты ляг на крышу и не шевелись, пока не остановится поезд.

Стогов уже не слушал. Он вскочил и побежал на крышу следующего вагона.

– Нелли Ивановна!

Через несколько секунд в слуховом окошке показалась запрокинутая голова директора. Над собой она увидела склонившуюся голову Стогова.

– Ты с ума сошел! Сейчас же отползи на середину крыши!..

– Не беспокойтесь! – перебил ее Виктор. – Я держусь крепко. Со мной Валерка, мы помогли сесть всем нашим! А некоторые, не наши, там остались...

– Ладно, ладно! Но ты, ради бога, отползи от края!

– Витька! – раздался голос Эльзы из соседнего окна.

Он повернул голову и увидел ее машущую руку.

Подходил к концу месяц колесной жизни. Остались позади Киров, Пермь, Свердловск, Тюмень, Омск – предполагавшиеся места окончательного пристанища. Бегая на станциях в эвакопункты каждого из этих городов, Нелли Ивановна возвращалась оттуда с унылым видом.

– Не принимают. Говорят, что норма приема эвакуированных перевыполнена. Полстраны проехали, а все никак не приткнемся...

– Неужели для одного детдома места не найдется? – не то упрекая, не то удивляясь, заметила Вероника Петровна. – Может, вы не очень настойчиво просите, а?

– Вот вы в следующем городе сходите и попросите более настойчиво, Вероника Петровна. – Нелли Ивановна с нескрываемой обидой глянула на старшую воспитательницу. – Кулаком постучите по столу, пригрозите чем-нибудь, может, нас и приютят.

...Судя по зареву огней, поезд приближался к крупному городу. Отвыкшие за время блокады от обилия света, зачарованные этим зрелищем, взрослые и дети прильнули к решетке открытой двери. Поезд втягивался в паутину рельсов все дальше и дальше от перрона. Но им все-таки удалось разглядеть на высоком здании вокзала крупные синие светящиеся буквы: **НОВОСИБИРСК**.

– Ну что ж, Вероника Петровна, как говорится, с Богом! – обратилась к ней директор. – Может быть, у меня уже на лице печать неудачницы, располагающая к отказу, а вам повезет. Вот наши документы.

Старая воспитательница растерялась, полагая, что директор тогда погорячилась, но Нелли Ивановна протянула ей знакомую клеенчатую папку. Возражать она не стала и, заметно волнуясь, начала собираться.

Весь путь до вокзала Вероника Петровна сочиняла свой монолог, выстраивала цепочку убеждающих фактов, начиная с блокадной зимы, ужасов ладожской бомбежки и заканчивая муками месячного томления в теплушках «на просторах Родины чудесной». В конце концов твердо решила, что ляжет под дверь и не поднимется, пока не устроят детдом.

Но все это оказалось ненужным. Вернувшись в вагон, она рассказала, как обходительно ее приняли, заверив, что сейчас же начнут собирать транспорт для перевозки детдома в город.

– Мне даже стыдно, что я начала свое выступление перед этими внимательными, чуткими людьми с обвинения, – закончила она. – Давайте собираться!

Но к вечеру их отыскал представитель горисполкома и вручил предписание следовать дальше, до Томска, заверив, что там все приготовлено для размещения детдома.

Истерика Вероники Петровны была пугающая. Громкие рыдания сменялись тихими всхлипываниями, и все это сопровождалось многократными повторениями:

– Какая непорядочность! Какой обман меня, старого человека! – Ее интеллигентность не допускала произнести более точное определение поступка местных властей – «подлость».

Больше всех переживала о случившемся Нелли Ивановна, говоря окружающим:

– Я искренне надеялась на ее везение, профессиональный опыт, такт...

Однако среди сотрудниц детдома крепло убеждение, что чем дальше от Ленинграда, тем меньше интеллигентности, порядочности, такта у местных руководителей. В Томске прямо и категорично заявили:

– В городе не оставим: от своих лихо. Вагоны вашего детского дома подцепят к составу, идущему в районный центр Асино. Это на север, недалеко, но зато там тайга настоящая! – Как бы желая подсластить свое сообщение, городской представитель добавил: – А река Чулым! Это же голубой сапфир Сибири. Ее не сравнишь с Невой...

– Вы вот что, не трогайте Неву. Поищите для сравнения какую-нибудь лужицу, – ответила Вероника Петровна. – Нас уже не удивит, если в следующем пункте обмана предложат Игарку или льдину Папанина.

– Извините! – спохватился представитель города. – Еще должен вам сказать, что поезда в Асино идут через день, поэтому потерпите до завтра.

Весь персонал, начиная с директора и включая старших ребят, молча и обреченно выслушали этот приговор.

...Наступил тихий теплый вечер. Ночное сибирское небо светилось крупными незнакомыми звездами. Взрослые слегка расслабились. Никуда не надо бежать, спешить забираться в телятник, пересчитывать детей. Из вагонов вытащили продуктовые ящики, поставили их полукругом, а в середине, на перевернутый ночной горшок, водрузили керосиновую лампу.

Вскоре к одному из вагонов подошла женщина и спросила, не из Ленинграда ли они? Узнав, что дошкольный детский дом из Ленинграда, она как будто бы огорчилась, но тем не менее попросила:

– Расскажите, как там сейчас? Говорят, прибавили хлеба, других продуктов. В бараке, где я живу, нет радио, а газета «Томские новости» выходит раз в неделю, да в ней всё о Томске пишут, на Ленинград, видно, не остается места. Вот и прихожу к каждому поезду, чтобы что-нибудь узнать о родном городе.

– А вы сами из Ленинграда? – спросила Александра Гавриловна.

– Да, милая. Привезли сюда совсем одну: ни родных, ни знакомых.

Кто-то из женщин спросил ее адрес.

– Да с Воронежской я, при школе жила и работала там. Может, слышали, девяносто девятая образцовая, известная на весь Московский район...

Услышав это, подключилась и Нелли Ивановна:

– Так мы тоже оттуда, детский дом на базе школы был создан, знаете об этом?

– Нешто не знаю! Я работала в нем...

– Да кто вы? Вроде мы всех своих забрали.

– Стогова я, техничкой работала...

Нелли Ивановна поспешно встала, подошла близко к женщине.

– Алексеевна?! Не может быть! Нам же официально сообщили, что вы, то есть вас... словом, дружинницы передали ваш паспорт...

– Да, возле колонки с водой я и еще одна женщина из очереди потеряли сознание. В дворницкой нас хотели отогреть, привести в чувство, сняли пальто. Меня откачали, накрыли, перепутав ее пальто с моим, и отвезли в железнодорожную больницу, что на Расстанной, – знаете небось, – а ее, царствие ей небесное, погрузили на полуторку и отвезли, значит, на Волковку⁷. Пальто-то мое ей уже не нужно было, его и оставили в дворницкой. В нем и нашли мой паспорт. Пока лежала в больнице, за ради Христа упростила няню сходить ко мне домой. Дети у меня там остались. Оказалось, их всех эвакуировали. Что мне делать? Четверо на фронте, трое не знаю где. Согласилась и я на эвакуацию. Может, Господь даст, найду их.

– Алексеевна, дорогая, да вы уже нашли! Сядьте и ждите!

Нелли Ивановна настойчиво посадила ее на свое место и быстро скрылась в темноте.

– Виктор, ну-ка, вылезь ко мне! – крикнула директор в чрево вагона.

– А его нет! – ответил детский голос. – Они с Валеркой удрали!

– Как – удрали?! Куда?! – Мысли, одна тревожнее другой, будоражили сознание Нелли Ивановны: «Куда же запропастились эти паршивцы? Витю же мать ждет! Надо срочно найти! Может, Эльза знает?»

Директор помчалась вперед. Не добегая до своего вагона, где должна находиться Эльза, она услышала девчоночий смех попеременно с мальчишескими голосами.

В раскрытую дверь видно было, что вся компания старших детей сидит вокруг «летучей мыши»⁸, а Валерка стоит на ящике в белом халате и колпаке, передразнивая Изабеллу Юрьевну:

– Ну-ка, дружок, раздвинь ягодицы, нет ли у тебя ущемления прямой кишочки?

– Виктор, быстро спустись! – Нелли Ивановна устало прислонилась к вагону. – Пойдем со мной!

– А мы? – спросила Эльза.

– Вы? Немного позже.

Витя послушно выпрыгнул из теплушки.

Она крепко сжала его локоть.

– Ты можешь вести себя по-мужски, ну, скажем так, стать примером выдержки для других?

– Нелли Ивановна, я ничего не понимаю, что-нибудь случилось?

– Да, да, я сама волнуюсь, говорю что-то не то. Словом, мама твоя жива.

– Как – жива? Я в дворницкой держал ее пальто, в кармане нашел паспорт и бумажку с адресом, написанную мной. И дворничиха сказала, что сама помогала дружинницам погрузить ее, мертвую, на полуторку.

⁷ Волковка. – Имеется в виду Волковское кладбище, где в блокаду хоронили в братских могилах умерших в Московском районе.

⁸ «Летучая мышь» – так часто называли керосиновую лампу.

– Виктор, все не так, и мама твоя жива, сидит здесь и ждет тебя! – замотала головой директор.

...Они подходили к сидящим. Нелли Ивановна почувствовала, как Виктор стал замедлять шаг, все сильнее сжимая ее руку, пока не остановился в двух метрах от женщины.

Директор подтолкнула Виктора вперед, к матери.

– Ну вот, Алексеевна, принимайте сыночка, здорового и невредимого, – нарочито весело объявила она.

Немая сцена узнавания длилась какие-то секунды.

– Ма-а!

Виктор кинулся к матери и, уткнувшись ей в грудь, зарыдал.

Плакали все окружающие, не сдерживая слез и всхлипываний. Плакали и подбежавшие ребята, не ставшие ждать директорского «немного позже».

Далеко за полночь с разрешения Нелли Ивановны Виктор пошел к матери домой.

...Рано утром мать с сыном подошли к вагонам.

– Подождем, – тихо сказала мать, – пусть поспят. Из-за меня поздно легли.

Дверь первого вагона стала медленно отодвигаться, и в проеме показалась директор.

– Я давно не сплю: от забот трещит голова. Ты как, Алексеевна, с нами поедешь или заберешь Виктора?

– Куда ж я денусь от вас, вы же теперь для меня самые родные!

Станция Асино оказалась железнодорожным тупиком. Это значило, что перецеплять вагоны, переформировывать поезд просто бессмысленно. Кончилась вагонная эпопея, вымотавшая взрослых и детей. Только сейчас по-настоящему пришло осознание необъятности матушки России, месяц мелькавшей в проеме двери под стук вагонных колес. А нынешнее состояние радовало возможностью ходить, бегать, сидеть, лежать, не ощущая вздрагивания на стыках рельсов.

Маленький маневренный паровозик «Овечка» подтолкнул четыре вагона ленинградского детдома номер 21 до тупика, где рельсы «загибались в небо». И тотчас к прибывшим подошла женщина средних лет.

– Могу я увидеть директора детского дома? – спросила она у Нелли Ивановны.

Опыт, полученный директором во время многочисленных встреч с чиновниками разного пола и возраста, заставил ее насторожиться. Поэтому она сухо ответила:

– Я и есть директор, Лялина Нелли Ивановна.

– Председатель исполкома Асиновского района Овчинникова Галина Андреевна. – Слегка улыбнувшись, женщина подала руку: – Будем знакомы!

Они не спешили отпускать руки, словно пытаясь через рукопожатие изучить друг друга и предугадать, как будут складываться их отношения: сугубо формально или на основе симпатии и взаимопонимания.

– Представляю, как вы устали от дороги. Мне это понятно: я сюда приехала из Одессы, – сказала Галина Андреевна.

– Ну тогда нам легче будет понимать друг друга, – тоже улыбнувшись, заметила Нелли Ивановна. – С чего начнем? Где наша обитель?

– Вы знаете, Томский облоно⁹ дал распоряжение объединить вас с Воронопашенским детдомом. Там живут местные беспризорные дети, в возрасте от трех до шестнадцати лет. Старшие ребята настоящие вору, хулиганы. Они сбиваются в шайки, терроризируют местное население, дерутся между собой и с местными ребятами. Воспитатели их боятся, да они их и в грош не ставят. Страшно подумать, что будет с вами. Скорее всего, они даже не знают, что такое блокада Ленинграда. Я сама приняла решение разместить вас в школе в деревне Ягодное, что

⁹ Облоно – областной отдел народного образования.

в сорока километрах отсюда, ближе деревни нет. Конечно, хорошо бы оставить вас здесь, все-таки районный центр. Но вчера у нас отобрали еще одно здание школы под артиллерийские курсы. Потом, у вас маленькие дети, им лучше, здоровее в деревне, чем здесь. Посмотрите, все здесь загажено паровозной гарью. Детей даже некуда будет вывести на прогулку. Сегодня все переберетесь в райисполком, переночуете, а утром придет обоз в пятнадцать телег. Я распорядилась, чтобы вас в Ягодном встретил председатель колхоза и помог устроиться.

Маленькие дети на все происходящее смотрели с удивлением. Большинство из них лошадку видели только на картинке, а тут вон их сколько, и все они что-то жуют, машут хвостами, фыркают! И пахнут как-то незнакомо, по-особому. А когда обоз тронулся, малыши завизжали так, словно их посадили на карусели в ленинградском ЦПКиО имени С. М. Кирова.

Вскоре повозки втянулись в чашу леса, и взрослые и дети с трепетом рассматривали огромные стволы кедров, пихт, лиственниц, елей. Это была настоящая сибирская тайга, о которой они читали, не осознавая на самом деле ее размеров и величия. Глядя на хвойные деревья и их кроны, уходящие высоко вверх, ленинградцы ощущали себя лилипутами, затерявшимися у подножия этих гигантов.

Весь путь сопровождался дурманящим запахом кедровой смолы.

Глава 2

Освоение нового мира

Несмотря на солидные размеры одноэтажной бревенчатой школы, всех детей разместить в ней не удалось. Директор с надеждой смотрела на председателя колхоза. Тот задумчиво молчал. Потом, махнув рукой, скомандовал:

– А, заселяй соседний дом! Это изба печника-скитальца, которого видели здесь еще до начала войны. Может, помер – ему лет, поди, за девяносто, – а может, волки съели где-нибудь на таежной тропе, при переходе из одной деревни в другую.

Дом заселили старшие ребята. Им это очень понравилось: подальше от начальства, слабее контроль, да мало ли что – поспорили, подрались. Зачем вмешиваться воспитателям, когда самим можно разобраться.

Но директор была другого мнения.

– Нехорошо, Савелий Никитич, – сетовала она, – далеко ото всех, трудно следить за порядком.

– Какой тебе еще порядок? – удивился тот. – Ты что, лоботрясов из них хочешь сделать? У них должен быть один порядок: поднялись с первыми петухами – и за работу. Делов-то у вас невпроворот. На днях дам лошадей, коров и прочую живность. Сена нужно тьма...

– Зачем нам тьма? – перебила директор. – Подушки и матрасы уже набили соломой...

– Так чем же ты скотину кормить-то будешь? – удивился председатель. – Макаронами, что ли?

– Право, я не знаю... – растерялась Нелли Ивановна. – Я, честно сказать, лошадь-то и близко не видела.

– Ох, нахлебаешься ты горя, Ивановна!.. Неужели у тебя все такие? И прислать тебе в подмогу некого. Нет мужиков-то: все на фронте. Я один, и то – во, видишь. – Он показал левую короткую высохшую руку. – Потому меня Косоруким кличут. Да и баб здоровых не шибко много. Свалилась ты на мою голову!

На следующий день директор собрала весь персонал.

– Кто из вас знаком с сельским хозяйством?

В наступившем всеобщем молчании Витькина мать, Александра Алексеевна, постеснялась признаться, хотя уж она-то хлебнула сельского труда вволю.

– А зачем это нужно? Мы же приехали сюда не сельским хозяйством заниматься, а воспитывать детей, – уточнила воспитательница старшей группы Александра Гавриловна.

– Да, ты права, но здесь только воспитывать детей – недостаточно. Нам надо научиться выращивать овощи, косить траву для скота, заготавливать дрова, доить коров, ухаживать за животными...

Девушка прыснула от смеха:

– Как это – ухаживать? Это за возлюбленными ухаживают.
– Эх ты, «возлюбленная»!.. Может, думаешь, что хлеб растет буханками?
– Может, – призналась молодая воспитательница, – я не знаю, не видела.
– Вот то-то же. Он растет колосом, но какой из них пшеничный, а какой ржаной или овсяный, я тоже не знаю. А узнать придется. Для этого надо выбросить из головы свою городскую спесь. Председатель мне сказал, что вся надежда у нас на своих старших ребят, их сверстники в колхозе составляют мужской костяк. Мы тоже сделаем из них сельхозбригаду, а ты, Александра Гавриловна, будешь у них и воспитателем, и бригадиром. – Но, увидев, что воспитательница наклонила голову и заплакала, Нелли Ивановна добавила: – Это пока, а потом переведем тебя в группу дошколят.

Утром, во время завтрака, кто-то выглянул во двор и громко крикнул:
– Лошадей привели!
Все, дети и взрослые, бросив еду, ринулись во двор. Выпрыгивая из-за стола, Виктор мгновенно представил себя в образе Чапаева на красавце скакуне.
Привели не только лошадей, но еще и пять коров, десять овец, двух свиней, которые разбрелись по невытопанной траве большого школьного двора.
Животных с опаской и любопытством рассматривали и дети, и воспитательницы.
– Это нам? – спросила одна из них сидящего на лошади мальчика лет двенадцати, пригнавшего стадо.
– Ага! Батя, то есть председатель, прислал, – ответил тот. Он лихо перебросил через холку лошади босую, грязную, покрытую цыпками ногу, спрыгнул и добавил: – Батя завтра еще дормез вам притащит.
– А они смирные? – спросила Вероника Петровна.
– Как это – смирные? – удивленно переспросил мальчик.
– Ну, они не кусаются? – уточнила воспитательница.
– Чего они, собаки, что ли?

И, демонстрируя полную лошадиную безбидность, отогнул ее верхнюю губу и показал большие зубы с серым налетом, как у курильщика.

Подойдя к лошадям, Виктор с разочарованием увидел, что животные, стоявшие перед крыльцом, мало похожи на коней, скачущих под кавалеристами чапаевской дивизии. Ту, что за повод держал деревенский мальчик, стояла широко расставив ноги, напоминая школьного коня для прыжков в спортивном зале. Темно-коричневая шерсть клочьями висела на худых ребрах, брюхо и левый бок были покрыты коркой высохшего навоза. Глаза, облепленные синими мухами, выражали глубокую лошадиную тоску.

– Цыганка. – Мальчик похлопал по острой разбитой холке лошади. – А это Осел, – указал он на вторую лошадь, понуро стоявшую с низко опущенной большой головой.

– В самом деле осел? – удивился Виктор.

– Да не-е, кличка у него такая.

– Жеребец, что ли? – уточнила Нелли Ивановна.

– Не-е, он облегченный¹⁰.

Нелли Ивановна согласно кивнула, боясь показаться невеждой.

Своей таинственной «облегченностью» Осел привлек всеобщее внимание. Несмотря на пятна прилипшей грязи, в нем четко просматривалась вороная масть. Он был выше Цыганки и потому казался еще более тощим. Круп, как и у Цыганки, венчала большая ссадина, облепленная синими мухами.

– Что это у него? – показал Валерка на болячку.

– Это сороки раздолбали. Они чуют, когда скотина больная и не может хвостом отбиваться от них. Когда поправится, он не даст сорокам садиться на холку.

– Тебя как звать? – спросил Виктор.

– Пашка, а что?

– А меня Витька. Может, я сяду, а? – Он показал на Осла.

– Не, он упадет.

– Как это – упадет? – удивился Стогов.

– Ты чо-о, не видишь? Он еле стоит. На Цыганку можно: она покрепче.

– Так я сяду? – не унимался Стогов.

– А мне чо-о, садись – лошади ваши. Чо-о хошь, то и делай.

– А как? С крыльца или, может, принести табуретку?

– Зачем? Прыгай пузом на хребтину, а потом развернешься. Во, смотри!

Пашка мигом оказался на лошади и, снова перекинув ногу, съехал по ребрам Цыганки на землю.

– Давай я тебе подмогну, – предложил мальчик. – Берись за холку, согни коленку. Оп-па! – Он подтолкнул Виктора.

Когда Стогов оказался верхом, в его сознании тотчас всплыл образ любимого Чапаева и он с трудом сдержался, чтобы не крикнуть: «За мной! В атаку!»

¹⁰ Так в Сибири называли кастрированных жеребцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.